

**Центр политических технологий
фонд**

**Защита прав российских граждан в
Европейском суде: состояние
проблемы**

*Итоговый доклад по проекту в сфере защиты прав и свобод
человека и правового просвещения населения «Защита прав
российских граждан в Европейском суде»*

Грант №82. Грантодатель Независимая организация «В поддержку гражданского общества»

Москва, июнь 2008 года

Оглавление

ВСТУПЛЕНИЕ	3
ВЫВОДЫ	5
РОССИЙСКИЕ ИСТЦЫ В ЕВРОПЕЙСКОМ СУДЕ	8
Портрет истца	8
Шестая статья: истцы против государства	12
Шестая статья: пути решения проблемы	18
РОССИЯ И ЕВРОПЕЙСКИЙ СУД	21
Вопрос об ангажированности суда	21
Ратификация 14-го протокола	25
Информированность о деятельности суда	27
Европейский суд и изменения российского законодательства и правовой практики	28
ЕВРОПЕЙСКИЙ СУД И РОССИЙСКАЯ ПРАВОВАЯ СИСТЕМА	31
Проблемы российской правовой системы: с точки зрения экспертов	31
Проблемы российской правовой системы: с точки зрения истцов	35
Возможность позитивных изменений	38
ПРИЛОЖЕНИЕ	40

Вступление

В первой половине 2008 года Центр политических технологий провел исследование на тему о причинах обращений российских граждан в Европейский суд и о проблемах российской правовой системы, которые заставляют их искать справедливости не в собственной стране, а в Страсбурге. Исследование проводилось в соответствии с грантом Некоммерческого партнерства «Независимая организация «В поддержку гражданского общества» на реализацию проекта в сфере защиты прав и свобод человека и правового просвещения населения (грант №82).

При реализации проекта использовались средства государственной поддержки, выделенные в качестве гранта в соответствии с распоряжением Президента Российской Федерации от 30 июня 2007 года №367-рп.

Актуальность исследования связана с тем, что, с одной стороны, постоянно растет количество обращений российских граждан в Европейский суд. Как сообщил в июне 2008 года на международной научной конференции «Десять лет участия Российской Федерации в Европейской конвенции по правам человека» судья Европейского суда по правам человека от Российской Федерации Анатолий Ковлер, за десять лет участия России в Европейской конвенции по правам человека в Европейский суд поступило более 46 тыс. жалоб против России, что составляет 20% от всех жалоб за этот период. С другой стороны, в российском обществе и истеблишменте существует противоречивое отношение к Европейскому суду – от безусловной апологетики до обвинений в ангажированности. Есть серьезные основания полагать, что именно с последним обстоятельством связан отказ Государственной думы предыдущего созыва ратифицировать 14-й протокол к Европейской конвенции по правам человека, создающего дополнительные возможности для более эффективной деятельности суда. Таким образом, выяснение мнения самих «жалобщиков» по наиболее значимым для них вопросам является актуальным и значимым.

Практическая полезность исследования связана также с необходимостью выяснения «узких мест» российского правосудия, которые вынуждают россиян обращаться в Европейский суд, так как они не находят правды на родине, сталкиваясь с дефектами отечественной судебной системы и правоприменительной практики. В значительной степени эти дефекты связываются с «неукорененностью» российской демократии, слабостью традиций правового государства и, напротив, серьезным влиянием административного усмотрения бюрократии на судьбы людей.

В связи с этим обращает на себя внимание позиция Президента России Дмитрия Медведева, который, отметив на встрече с уполномоченным по правам человека Владимиром Лукиным, что «одна из причин большого

количества обращений наших граждан в Европейский суд по правам человека связана с тем, что у нас очень либеральная система обращений с соответствующими жалобами», заявил, что «в этом, может быть, есть резон, учитывая, что наша система защиты прав только становится на прочную основу, и судебная система развивается. Если бы мы имели абсолютно полноценную и проверенную веками судебную систему, то, может быть, в такой скорости не было бы смысла, а сейчас - как есть, так и есть». Таким образом, сокращение числа обращений россиян в Европейский суд невозможно без серьезных изменений в российском законодательстве и правоприменительной практике. Эта тема также находилась в поле зрения авторов настоящего исследования.

В рамках исследования с 1 февраля по 30 апреля 2008 года социологами Центра политических технологий было проведено 100 глубинных интервью с лицами, обратившимися в Европейский суд, и 20 экспертных интервью с представителями профессионального сообщества (см. полный список приводится в Приложении).

По жалобам большинства респондентов-истцов Европейским судом уже вынесены решения, т.е. речь идет о серьезных истцах, аргументы которых восприняты судом с достаточным вниманием, а не о «сутяжниках» в дурном смысле этого слова. При выборе экспертов Центр политических технологий стремился к тому, чтобы в исследовании были представлены различные точки зрения, принадлежащие компетентным специалистам в данной сфере – юристам и правозащитникам.

География исследования: Москва, Московская область (Лыткарино, Ступино, Чехов, Королев), Ростовская область (Батайск, Волгодонск, Ростов-на-Дону, Таганрог, Шахты), Воронежская область (Воронеж, Нововоронеж, Колодезное), Санкт-Петербург, Белгород, Тамбов, Новосибирск, Ярославль. К сожалению, в силу ряда причин, связанных с безопасностью социологов и с пребыванием ряда истцов за пределами России, не удалось взять интервью у «жалобщиков» из Чеченской республики – этот пробел удалось лишь частично заполнить с помощью кабинетного исследования.

Отчет об исследовании был подготовлен в июне 2008 года.

Выводы

Увеличение количества обращений российских граждан в Европейский суд по правам человека связано с тем, что люди все меньше верят в эффективность и справедливость отечественной судебной системы; оно свидетельствует о недостаточном авторитете российского суда. Страсбургский суд для многих истцов становится последним шансом на защиту своих законных прав и интересов. Большинство истцов являются «обычными гражданами» с невысоким уровнем доходов, проживающими в российских регионах. До Страсбурга они «доходят» как в результате сильных собственных переживаний от невозможности добиться «правды» иными средствами, так и при поддержке профессиональных юристов и структур гражданского общества.

Абсолютное большинство исков, поданных в Европейский суд и дошедших до стадии вынесения решения, носят «аполитичный» характер и связаны с предполагаемым нарушением статьи шестой Европейской конвенции по правам человека - «Право на справедливое судебное разбирательство». Истцами по этим делам являются в основном представители малообеспеченных слоев населения, которые не могут либо отстоять свои интересы в рамках «многоступенчатой» судебной системы, либо добиться исполнения уже принятых судебных решений. Многие из них даже отказываются от «запоздалых» мировых соглашений, считая более важной задачу достижения справедливости. Дело в том, что для этих людей свои социальные права имеют не только финансовый, но и важный символический характер – как свидетельство признания государством их заслуг либо его сочувствия к их тяжелому положению.

В данных случаях не на высоте оказалось государство. Оно не согласилось выплатить своим малообеспеченным гражданам причитающиеся им сравнительно незначительные суммы, обрекая их на длительные судебные разбирательства, унижительное общение с чиновниками и, в конце концов, обращение в Страсбург. Только в ситуации неминуемого поражения в Европейском суде государство сочло возможным пойти навстречу законным интересам граждан. Кроме того, оно слабо учитывает психологические особенности россиян, не принимая во внимание символический характер ряда выплат (как это происходило и во время монетизации льгот, проведенной со значительными социально-психологическими издержками).

Страсбургский суд является своего рода «зеркалом», в котором видны пороки российской правовой системы. По мнению многих экспертов, все

достоинства российского законодательства нивелируются крайне негативной правоприменительной практикой, исходя из того, что «самый прекрасный закон можно испортить самым отвратительным правоприменением». В то же время ряд экспертов не склонны считать, что российская судебная система носит тотально зависимый характер, хотя отдельные ангажированные решения сильно влияют на общественное мнение и, становясь известными населению, дискредитируют судебную систему в целом.

Большинство экспертов, участвовавших в исследовании, отрицают ангажированность суда, считая его решения справедливыми (хотя и не исключая возможности ошибок, что, впрочем, свойственно любому суду). Отдельные «политизированные» дела привлекают к себе внимание прессы, что, вкупе с поражениями российской стороны, приводит к негативному имиджевому эффекту для России. Очевидно, что именно эти немногочисленные дела привели к охлаждению отношений между Россией и судом. В то же время сохраняются возможности для их улучшения, так как противоречия не носят антагонистического характера. Впрочем, существует и альтернативная точка зрения, которая заключается в том, что политизация деятельности суда не только имеет место, но со временем усиливается.

Информирование российской общественности (в том числе юридической) о деятельности Европейского суда признается многими экспертами явно недостаточным. Необходимо не только повышать степень этой информированности (в рамках правового просвещения), но и снимать неформальные бюрократические препятствия на этом пути.

Большинство опрошенных экспертов считают целесообразной ратификацию российским парламентом 14-го протокола к Европейской конвенции по правам человека. Они считают, что данный документ не противоречит интересам России. В то же время отказ от ратификации ставит Россию в невыгодное положение (так как все остальные страны – члены Совета Европы уже совершили этот шаг) и, кроме того, противоречит интересам российских истцов, желающих найти справедливость в Страсбурге.

Опыт Европейского суда может быть использован – и уже используется – в ходе модернизации российской правовой системы. В то же время существуют возможности для дальнейших изменений – например, в вопросе о реализации стандарта обновления оснований для заключения под стражу после того, как истек срок заключения под стражу, ранее назначенный судом.

Существует различные пути минимизации проблем, связанных с шестой статьей Конвенции. Так, решение вопроса об исполнении судебных

решений может быть связано с тем, что должник, не исполняющий судебное решение по неуважительной причине (для государства уважительных причин быть не может) должен нести дополнительную ответственность, то есть выплачивать штрафные санкции за просрочку исполнения судебного решения. Кроме того, можно заимствовать некоторые положения из арбитражно-процессуального кодекса, рассматривая решения судов общей юрисдикции в кассационной инстанции по существу (по аналогии с апелляционной), а не только по кассационным поводам.

Многие эксперты в качестве серьезной проблемы российского правосудия отмечают дефицит независимости судебной системы. Эксперты обращают особое внимание на необходимость обеспечения реальной независимости суда, что невозможно без повышения уважения к личности судьи и принимаемым им решениям. Высказывается мнение о необходимости укрепления принципа несменяемости судей с тем, чтобы лучше защитить их от административного произвола.

Эксперты поднимают вопрос комплектования судейского корпуса, которая существенно отличается от практики, принятой в странах с развитыми демократическими традициями, где судьями становятся опытные юристы. Такие судьи представляются более компетентными и, кроме того, обладают определенными мировоззренческими установками, включающими в себя уважение к правам человека. Вопрос о коррумпированности суда, с точки зрения экспертов, носит противоречивый характер. С одной стороны, признается факт наличия коррупции, но, с другой стороны, многими экспертами не поддерживается точка зрения о ее системном характере для российского правосудия. В качестве «проблемных» с точки зрения коррумпированности называются арбитражные суды, в которых рассматриваются «взяткоемкие» дела. В то же время суды общей юрисдикции признаются экспертами менее коррумпированными.

Истцы в ходе исследования отмечали в качестве значимых многие проблемы российского правосудия, названные также и экспертами. В то же время они эмоционально отмечают неравноправие различных участников судебных процессов в зависимости от их материального положения или системы связей. «Простой человек» (с которым идентифицируют себя истцы) противопоставляется в этом случае богатым и влиятельным представителям элиты, а также государству.

Российские истцы в Европейском суде

Портрет истца

Как правило, россиянин, обратившийся в Страсбургский суд, является тем самым «простым человеком», о котором много говорят политики из разных лагерей, претендующие на роль выразителей его интересов. Известные имена в числе «жалобщиков», чьи дела уже решены, являются исключением, которое лишь подтверждает правило. Бизнесмены, вступившие в конфликт с властью (Гусинский, Лебедев), бывший офицер ФСБ, а затем адвокат Трепашкин, бывший генеральный прокурор Скуратов, бывший кандидат в депутаты Краснов, предприниматель Климентьев – эти отдельные известные имена соседствуют в списках истцов с сотнями имен «простых россиян» из различных регионов. Кстати, известность не гарантирует успеха – не все перечисленные выше «знаменитости» выиграли в Страсбурге свои дела.

Средний возраст опрошенных нами 100 респондентов – 56 лет, то есть предпенсионный. Лишь один «жалобщик» моложе 30 лет, и шестеро находятся в возрастной группе «от 30 до 40», зато 18-ти – 70 лет и более. Молодежь более надеется на свои силы и связи, чем на далекий Европейский суд, решения которого нужно ждать несколько лет. Примерно треть (33) имеют высшее **образование**, еще трое – незаконченное высшее (из них один завершал учебу в институте), 23 – среднее специальное, 35 – среднее и 6 – незаконченное среднее. 41 респондент имеет **ежемесячный доход** на человека до 5 тысяч рублей, 26 – от 5 до 10 тысяч, 15 – от 10 до 20 тысяч, 16 не указали свой доход (многие из них являются пенсионерами или безработными, то есть явно небогатыми людьми), и лишь у двоих доход составляет свыше 20 тысяч рублей на человека. Большинство из них живут в российских регионах.

Таким образом, речь идет в большинстве случаев о бедных россиянах, которые с трудом сводят концы с концами – это, как правило, не «средний класс», а более бедные слои населения. Кстати, и суммы, которые они получают в результате выигрышей дел в Страсбургском суде, сравнительно невелики. *Нам прислали по 1500 евро на 6 человек*, – говорит истец-«чернобылец» из Батайска. *Европейский суд присудил 3300 евро*, – свидетельствует его коллега из города Шахты.

Существует представление о том, что решения Европейского суда обычно связаны с громкими делами и политизированы. Такая позиция неудивительна – она связана с тем, что СМИ в наибольшей степени интересуют наиболее «жареные» факты, носящие характер сенсационности и

скандальности. Действительно, часть дел связана с предполагаемым нарушением прав человека, которые в той или иной степени носят политизированный характер – по мнению самих истцов и некоторых СМИ. Это и «дело Илашку» (касающееся Молдавии и Приднестровья, но в него была вовлечена и Россия), дела радикальных критиков российской власти (в том числе активистов запрещенной НБП), «чеченские» дела и др. Есть и явно неполитические дела, в которых истцами выступают заключенные – «изгои» российского общества, для которых жалоба в Страсбург является шансом на улучшение своего нелегкого положения.

В то же время абсолютное большинство жалоб российских граждан, рассмотренных Европейским судом носят ярко выраженный социальный характер. Они связаны с предполагаемым нарушением шестой статьи Европейской конвенции по правам человека «Право на справедливое судебное разбирательство». Из 100 респондентов, участвовавших в исследовании, 91 подали иски в Страсбург именно по этой статье. Остальные обратились с исками по другим статьям – двое по 3-й и 5-й, двое – по 5-й, один по 3-й, один по 3-й и 13-й, один – по 8-й, один – по 8-й и 13-й, один – по 11-й.

Явное преобладание шестой статьи в исках видно из приведенной ниже таблицы, в которой приведено общее количество дел физических лиц из России на предмет предполагаемого нарушения статей Европейской конвенции по правам человека по состоянию на 31 декабря 2007 года. Данные взяты с интернет-сайта Европейского суда (echr.coe.int); по некоторым делам информация о статьях отсутствует.

Статья Европейской конвенции.	Количество дел.
2. Право на жизнь.	24
3. Запрещение пыток.	44
5. Право на свободу и личную неприкосновенность.	27
6. Право на справедливое судебное разбирательство.	281
8. Право на уважение частной и семейной жизни.	11
9. Свобода мысли, совести и религии.	1
10. Свобода выражения мнения.	7
11. Свобода собраний и объединений.	4
13. Право на эффективное средство правовой защиты.	20

Доминирование шестой статьи становится еще более заметным, если учесть, что многие иски подавались одновременно по нескольким статьям

Европейской конвенции. Так, из 24 исков, поданных по второй статье, 15 также включают в себя и третью статью, 7 – пятую, 13 – тринадцатую, (большую часть этих дел составляют «чеченские»).

Такой «портрет» истца позволяет поставить вопрос о том, почему же тогда количество «российских» жалоб в Страсбург постоянно растет. Понятно, что обращение в Европейский суд – серьезный и ответственный поступок для недавнего советского гражданина, который не привык к участию в судебных тяжбах даже на родине. Кроме того, ему психологически непросто выступать в качестве «стороны» в судебном деле против собственной страны. Понятно, что для того, чтобы пойти на такой шаг, необходимы очень серьезные факторы.

Первый фактор – высокая степень отчаяния, разочарование в отечественной судебной системе и правоприменительной практике. Неудивительно, что идеальный образ «страсбургского эталона» контрастирует в сознании «жалобщиков» с подчеркнуто «сниженным» представлением о российском суде – при этом они иногда проводят даже аналогии с известными делами: *У нас басманное правосудие, поэтому так все и происходит. Почему Ходорковского замочили? Было принято решение и его просто исполняли* (истец из Москвы).

Второй фактор – наличие серьезной юридической поддержки, выражающейся в участии в делах адвокатов, которые оказывают квалифицированную юридическую поддержку гражданам, обращающимся в Европейский суд. Понятно, что адвокатская помощь необходима для правильного оформления жалобы – без этого высока вероятность отказа в рассмотрении дела. Значительную роль играет и организационный фактор – адвокат становится «центром притяжения» для жалобщиков, информирующих друг друга о возможности защитить свои права с помощью профессионала.

В основном, работа была адвокатов. Я – человек, не обладающий правовыми знаниями в достаточной степени, чтобы обратиться в суд самостоятельно. Я знаю в общих чертах. Могу открыть законодательство и почитать, но мне это ничего не даст. Идти с такими знаниями в суд – достаточно бессмысленно. Я обратилась к адвокатам с просьбой помочь мне в этих вопросах, - людям профессиональным, которые меня представляли и могли бы защитить мои интересы (истец из Таганрога).

Благодаря адвокату Александру Владимировичу..., мы посмотрели, что и чего...Александр Владимирович, ознакомившись с этим законодательством, сказал, что у нас есть шанс. Есть организация, есть возможность обжаловать эти незаконные действия... Я считаю, что мы выиграли благодаря только его высокому профессионализму. (другой истец из Таганрога).

Истец из Воронежа также прибег к помощи адвоката и не жалеет об этом: *В наш собес пошли: не ждите, денег нет... Была еще женщина, она была сама адвокатом. Она нам помогала. Нам посоветовали, мы согласились. Она писала нам все, сама документы все собирала, она все делала сама.* С этой точкой зрения вполне согласен и истец из Москвы: *Мы обратились к одному из адвокатов. Адвокаты уже занимались моими делами. Всю эту бумажную работу они делали за меня.*

Впрочем, не всех «добровольных помощников» стоит оценивать одинаково высоко. Другой истец из Воронежа сравнивает своего юриста с его конкурентами, причем последние характеризуются резко отрицательно: *Мы обращались к одним людям. Они были юристами, работали в консультациях юридических. Они брали 20%. Он брал 10% по конечному итогу: выиграем – возьмет, не выиграем – не возьмет. Он нам все выиграл и взял всего 10%. А она ничего не выигрывала ни в каких судах, а брала 20%.* Таким образом, и на данном рынке услуг существует серьезная конкуренция, причем завышенные тарифы отнюдь не всегда гарантируют высокое качество работы (и, тем более, успех).

Третий фактор – опыт других истцов, ранее подавших свои жалобы в Европейский суд, часто без надежды на реальный успех, и добившихся при этом положительного результата. Так, истец из Батайска рассказывает историю своего иска – председатель местного объединения «чернобыльцев» узнал о том, что *там кто-то подавал, что-то получил, только один человек. Он связался с этим человеком по Интернету. У него была распечатка решения суда: получить какие-то деньги... Помню, что это был подполковник в отставке. Грамотный мужчина.* После этого и другие «чернобыльцы» решили направить иски в Страсбург. *Первым делом подали Шахты. Шахтер там какой-то выиграл Страсбургский суд. С этого и пошло,* – говорит другой респондент из Батайска.

Четвертый фактор – наличие региональных структур гражданского общества, которые позволяют истцам координировать свои действия. Именно с этим связано то обстоятельство, что в числе субъектов Федерации, лидирующих по количеству рассмотренных в Европейском суде дел, находятся Ростовская область («чернобыльские» дела) и Воронежская область (дела о детских пособиях). Особенно важную роль сыграли организации «чернобыльцев», имеющие большой опыт защиты интересов своих членов и имеющие отделения в различных регионах страны. Истец из Батайска так описывает функционирование этой системы: *Мы поддерживаем связи со всеми областями: Брянск, Липецк. В Брянске выпускалась газеты про Чернобыль, мы ее выписывали. И с Калмыкией, с Краснодарским и Ставропольским краем. Мы делимся опытом, со всеми поддерживаем связи. Поэтому подали в Европейский суд.*

При этом структуры гражданского общества позволяют защищать свои интересы и людям, которые по своему уровню образования или в связи с

отсутствием достаточных связей не могут делать это достаточно эффективно. Весьма образно об этом говорит респондент из Колодезного – пенсионерка, не сведущая в действующем законодательстве: *Я сама – неграмотный человек. Просто были люди, они все там делали, я была вместе с ними. Пристреляла к ним, и все.*

Показательно, что многие истцы, выигравшие свои дела, советуют другим людям обращаться в Страсбург, несмотря на длительные сроки рассмотрения исков и необходимость выполнения ряда формальностей. *Да, я лично советую. Я надеюсь, что и мне, и другим людям будет в нашу пользу. Они правильное решение выведут. У нас надежды нет никакой. Головоотягство и все, -* говорит истец из Батайска. Респондент из Нововоронежа полагает, что обращения в Европейский суд будут стимулировать позитивные изменения в правоприменительной практике в самой России: *Да, если в России нет справедливости. Нашим российским чиновникам нужно брать пример, чтобы не доводить до Страсбурга.* Истец из Москвы полагает, что *если человек чувствует, что его права нарушаются, то, конечно, советую обращаться.*

Впрочем, есть и другие мнения – так, истец из Таганрога считает, что наводить порядок в России необходимо собственными средствами, причем совершенно не обязательно обращаться в Европу: *Я хочу сказать, что не сторонник того, чтобы все наше население стало обращаться в Европейский суд. Потому что смысла в этом нет. Желательно наоборот – навести в своем хозяйстве порядок. Россия лучше выглядела бы на мировом уровне, если бы этих жалоб в Европейский суд было меньше.* У истца из Воронежа иная аргументация, связанная с трудностями, с которыми сталкиваются «жалобщики» (о которых истец осведомлен по собственному непростому опыту) *У меня мама и папа хотели по пенсии обратиться в Европейский суд. Не стали. Так у них компенсация по пенсиям пропала. Я рассказывала, люди говорили, сколько нужно нервов и сил на это. Не стали подавать. Я думаю, что не стоит.*

Шестая статья: истцы против государства

Шестая статья Конвенции – наиболее «популярная» среди российских истцов - предусматривает защиту базовых принципов правосудия и обеспечение прав человека в суде на основе цивилизованных процедур. Она гласит, что каждый имеет право на справедливое и публичное разбирательство дела в разумный срок независимым и беспристрастным судом, созданным на основании закона. Гарантируется публичность объявления судебных решений (хотя в ряде оговоренных в тексте Конвенции случаев пресса и публика могут не допускаться на судебные заседания) и презумпция невиновности. Обвиняемый в уголовном преступлении имеет

право на уведомление о характере предъявленного ему обвинения, иметь достаточное время и возможности для подготовки своей защиты, иметь возможность защищать себя (лично или с помощью адвоката), допрашивать свидетелей противоположной стороны и иметь право на вызов и допрос свидетелей в свою пользу, пользоваться бесплатной помощью переводчика.

Однако столь значительное внимание, которое уделяется шестой статье, не свидетельствует об «узости» проблемы.

По мнению эксперта-юриста, жалобы по шестой статье очень многогранны. Там на юридическом основании подаются очень разные жалобы. Иногда существуют проблемы с судебным разбирательством, которые сводятся к доступу к судебному разбирательству. Все эти проблемы устранимы, если действительно устраняются недостатки, которые указываются в рекомендациях данного судебного органа. Просто надо заниматься тем, чтобы эти проблемы устранить.

Кроме того, Европейский суд склонен к расширительному толкованию данной статьи, включая в нее разнообразные факты нарушений прав граждан на справедливый суд.

При этом можно выделить несколько основных групп дел, которые объединены одним общим признаком – речь идет о наиболее социально уязвимых категориях населения России, «униженных и оскорбленных» нашего времени. Эти общественно значимые дела связаны с проблемами неэффективности как системы судопроизводства, так и исполнения вынесенных судебных решений – в последнем случае речь идет как о недостаточном авторитете судебной власти, так и о существенных недостатках в работе исполнительной власти.

Эту же проблему отмечают и эксперты. Так, эксперт-юрист обращает внимание на то, что *федеральный бюджет не желает исполнять судебное решение, присуждающее гражданину зарплату, пенсию, возмещение причиненное в результате таких страшных вещей, как Чернобыльская авария. Детские пособия, присужденные давным-давно, по много лет лежат не исполненными после решения Страсбурга.*

«Пенсионные» дела. Здесь важную роль играет проблема неправильного исчисления коэффициента пенсий, что имеет для истцов не только материальное, но и большое моральное значение («отнимают честно заработанное»). При этом сравнительная незначительность «потерянных» сумм не должна принижать значимость проблемы. Во-первых, речь идет о небогатых людях, для которых и такие суммы являются значимыми. Во-вторых, сам тот факт, что государство не хочет признавать свою ошибку в делах на подобные суммы, вызывает дополнительное недовольство «жалобщиков». Истец из Москвы описывает типичное пенсионное дело, рассматривавшееся в Страсбурге:

Согласно закону 113, пенсия должна начисляться из того, что предельный коэффициент пенсионера 0,7. Однако наша пенсионная власть стала исчислять пенсию исходя из соотношения зарплат. Отсюда индивидуальный коэффициент пенсионера получается 0, 525. В результате чего, каждый пенсионер недополучил в течение 2,5 лет примерно 5 тысяч рублей. Потом власть поняла, что была допущена ошибка, потому что суды завалили жалобами. А власть же у нас не любит признавать свои ошибки. И они с помощью указов Президента вывели на отношение зарплат по закону. А потом этот закон был отменен. То есть в течение двух с половиной лет власть исчисляла не по закону.

При этом необходимо отметить, что истцы-пенсионеры испробовали многочисленные средства защиты своих интересов в России, обращаясь в судебные и иные инстанции, но не смогли повлиять на позицию чиновников:

А в статье 14 написано – индивидуальный коэффициент пенсионера, ограничивающий отношение к зарплате не более 0,7. Так вот наши государственные чиновники, прежде всего Пенсионный фонд утверждали и нам так платили, что индивидуальный размер пенсионера устанавливает только соотношение заработных плат (истец из Новосибирска).

Только исчерпание всех иных возможностей для достижения справедливости привело их в Страсбург.

Дела о детских пособиях. *Нам очень долго не выплачивали детские пособия. Куда мы только ни обращались. Обратились в суд. Нам присудили детские пособия. Мы, конечно, обрадовались, думали, что получим. Однако, когда понесли исполнительный лист, нам там сказали, что денег нет. Мы долго ждали. Из одного банка в другой передавали – может, там счет откроют, перечислят. Все было безуспешно. Потом решили обратиться в Европейский суд, - говорит истец из Воронежа.*

«Чернобыльские» дела. Это одни из наиболее психологически сложных дел, которые связаны с проблемами значительной категории лиц, здоровью которых был нанесен ущерб во время ликвидации последствий аварии – на эту работу их направило государство. Таким образом, речь идет о действиях, за которые государство непосредственно несет ответственность, однако, по мнению «чернобыльцев» оно недостаточно заботится об их законных интересах. Дело в том, что «чернобыльские» обязательства носят федеральный характер, а их исполнение возложено на органы местного самоуправления, которые, по Конституции, не относятся к государственным органам власти. При этом федеральные власти компенсируют местным властям выплаты по своим обязательствам. Однако местные власти не хотят платить по искам. По словам истца из Ростова-на-Дону,

Европейский суд по этому поводу сказал, что... вы выполняете публичные функции государственного управления. Поэтому

воспринимается как публичная власть, которая все равно должна исполнить. Выполняли федеральные обязательства. Деньги с федерального бюджета к ним поступили... Они хотели развести, а Европейский суд сказал, что нет. Вы выполняете публичные обязанности.

Еще одна острая проблема «чернобыльцев» - отказ выплат положенных средств родственникам умерших участников ликвидации последствий аварии на АЭС.

Человек умирает. Вдова обращается, ей отказывают - это деньги чернобыльца, вы не имеет на это права. Человек умирает, и они эти деньги забирают себе. По закону написано, что даже не востребованные деньги принадлежат семье, если бы он их вовремя получил... А так, государство сказал, что мы ничего не должны... Потому что они большие деньги экономят даже на выплатах. Европейский суд сказал, что неважно, что произошло после судебного решения. Коли написано там, то вы должны дать. Я на этом стоял. Мне дали все, - говорит истец из Ростова-на-Дону.

Таким образом, Европейский суд не только удовлетворил иски «чернобыльцев», но и сформулировал важные положения, которые имеют значение для определения правоотношений между государством и гражданином.

Несмотря на свои многочисленные проблемы, истцы нашли в себе силы обратиться в российский суд (в качестве ответчика выступало государство) и добиться решения по своим искам, при этом пройдя несколько судебных инстанций. Но эти решения не были реализованы по ряду причин: либо из-за множественности инстанций, принимающих противоречивые решения, либо из-за нежелания или неспособности государственных органов определить механизм выплат по долгам собственному населению.

Характерно описание своей «эпопеи», данное истцом-«чернобыльцем» из Батайска, который в числе других истцов добился положительного решения своего дела в нескольких инстанциях, но они так и не вступили в законную силу:

Подали в городской суд. Он решил в нашу пользу. Собес подал апелляцию в областной суд. Он решил в нашу пользу. Собес подает на коллегия областную судей. Она тоже приняла в нашу пользу решение. Не знаю, как потом получилось. Они подали на имя областного председателя, а он опять отправил на доработку в наш суд городской. После этого подавали еще в Верховный суд. Он тогда отложил решение. Не было принято решение до 2000-2001 года. Судебные тяжбы начались с того момента, как только был принят закон о чернобыльцах, в марте 1996 года. 12 лет идет тяжба с собесом.

Истец из Колодезного (по «пенсионному» делу) столкнулся с проблемой неисполнения решения суда, которую не мог решить иными способами, кроме как обращением в Страсбург. Кроме того, «эпопея» отношений истца с государственными органами сопровождалась серьезным ухудшением здоровья:

Мы к этим приставам столько раз приходили. Пошлим им, а они назад. Мы отсылаем, а они опять назад. Нет денег и нет денег, вот и все... Сил нет, сколько можно ходить? Ноги не ходят. В 2002 году я лежала. Кризис сердца был. Сейчас только вышла из больницы – инсульт. Язык еще не чувствую, когда разговариваю.

Утратив надежду защитить свои законные интересы в России, они обратились в Европейский суд, видя в нем «последнюю инстанцию», которая способна принудить российские власти выполнить свои обязательства, восполнить дефекты отечественной правоприменительной практики. Для этих категорий населения «Страсбург» часто выступает в качестве источника высшей справедливости. Характерны высказывания истцов: Европейский суд *единственная возможность добиться правды* (истец из Батайска), *эталон справедливости* (истец из Воронежа), *эталон правосудия и единственная возможность добиться правды* (истец из Москвы), *эталон высшего правосудия* (истец из Колодезного). Большую роль для истцов играет такая ценностная характеристика как справедливость, которая значима для этих людей и идентифицируется с Европейским судом, способным хотя бы частично ее обеспечить. *Хочется справедливости. Мы же кричим, что у нас правовое государство. У нас демократия. Соблюдайте нормы.* (Истец из Ростова-на-Дону). Показательно, что о справедливости говорят и эксперты. Например, по мнению эксперта-адвоката, *основной мотив большинства наших граждан, которые обращаются в Страсбургский суд, - это вера в справедливость. Этот мотив возникает после изучения ответа на те жалобы, которые подаются в наши российские суды, в российские инстанции.*

Обращает на себя внимание, что для доведенных до отчаяния и ставших в результате крайне эмоциональными людей, тема справедливости в ряде случаев становится определяющей – особенно это касается участников ликвидации последствий аварии на Чернобыльской АЭС. Именно с этим связан примечательный феномен: когда судебные дела в Европейском суде близились к благополучному для истцов завершению, государство в ряде случаев предприняло попытки добиться мирового соглашения с ними, чтобы минимизировать имиджевые издержки от неизбежного поражения в суде. Однако значительная часть истцов отказались от мирового соглашения, продолжая добиваться не только денег, но и справедливости, которая, по их мнению, должна заключаться в том, чтобы «наказать» государство, причинившее им столько проблем, не позволить ему сохранить лицо.

При этом характерна позиция истца-«чернобыльца» из города Шахты – отказавшись от мирового соглашения, они по решению Европейского суда получил на 45 тысяч рублей меньше. Однако он заявляет, что не жалеет об этом, так как судился не только из-за денег: *Несправедливость – из-за этого. Если бы подписал мировое соглашение, то согласился бы с тем, что они не платили, а потом могли бы не платить. Мне это все претит и надоело. Это против моих ценностей. Они не исполняли, а я должен подписываться под их требованиями. Нет.* Другой «чернобылец» из этого же города солидарен со своим товарищем, выделяя как материальный компонент, так и апеллируя к чувству справедливости: *Почему обращаются туда? Несправедливость. Мы даже не требовали ни пенью, ни моральный. Отдайте наше заработанное. Мы там сразу заработали. Мы должны за это получать. А тут государство послало нас. Мы свой долг выполнили. У меня ордена и медали. Но вы нам платите.*

Истец из Москвы также говорит о важности морального фактора, который даже превосходит желание получить конкретные деньги, которые, кстати, в данном случае даже еще не выплачены:

Нам давно прислали уведомление, что в Страсбурге все в нашу пользу. И нижняя палата, и верхняя какая-то. Но мы же ничего не получили. И все-таки решение, которое было принято в нашу пользу, было больше моральным удовлетворением. Мы уже решили – что будет, то и будет. Мы хотели добиться, чтобы суд признал, что мы правы.

Еще одно обстоятельство, препятствующее достижению мировых соглашений с истцами – нетактичность представителей государства, которые воспринимают «жалобщиков» не как людей, защищающих свои законные интересы, а как «рвачей», которые шантажируют власть. Характерна история, рассказанная истцом из Воронежа, добивавшемся получения детских пособий:

Уже пошел слух, что мы начали судиться. Из соцзащиты позвонили, что мы вам выплатим. Придите и подпишите, что не будете с нами судиться. Я пошла с мужем. Там нам сказали, что подписывайте. Мы вам выплатим, сколько присудили, и все. Мы не подписали. Они грубо с мужем разговаривали, что ничего больше не получите и ничего не добьетесь. Мы развернулись и ушли.

В результате иск в Европейском суде был выигран.

Впрочем, некоторые истцы из рациональных соображений все же заключают мировые соглашения, что приводит к отзыву исков. Истец из города Шахты так рассказывает о своем опыте:

Нас вызвали в собес и начали снова предлагать. Вроде все как было забыто. Решили, что следующего раза не будет. Нас уже предупредили, что больше вам никто ничего предлагать не будет. Тем более, у нас неисполненное решение за столько лет. И это решение выполняют, и моральный ущерб. Мы согласились.

При этом количество истцов могло бы быть и большим, но многие потенциальные «жалобщики» по возрасту и состоянию здоровья не могут позволить себе обратиться в Европейский суд, а некоторые не доживают до вынесения решения, так как процесс длится в течение нескольких лет. Истец-«чернобылец» из Ростова-на-Дону, добившийся удовлетворения Европейским судом своего иска, дал яркий портрет менее удачливых «товарищей по несчастью»:

Люди больные. Нервы – сразу бывают приступы, и гипертонии. Человек возбуждается, теряет сознание. Люди теряли в суде сознание. Нам это противопоказано. Люди ходили в суд год, потом умерли. Выиграли суд и умерли. Кто-то в процессе решения суда не выдерживает и умирает. Нас до этого ведут.

Шестая статья: пути решения проблемы

Шестая статья [Европейской] Конвенции [по правам человека] даже текстуально не перенесена в текст [Гражданского процессуального кодекса] кодекса. Что это, как не неуважение законодателя к тому правовому акту, который, в общем-то, является обязательным? – возмущается эксперт-адвокат. Именно проблемы, связанные с нарушением права на справедливое судебное разбирательство, носят значимый характер для российского правосудия. На эти проблемы обращает внимание эксперт-юрист. По его мнению, первая составляющая - нарушение права на разбирательство в разумные сроки (термин, содержащийся в шестой статье Конвенции): годами не рассматриваются судебные уголовные и гражданские дела. Европейский суд признает, что статья 6 в этой части была нарушена, и выносит соответствующие санкции в адрес Российской Федерации в виде обязательств по выплатам гражданам.

Вторая составляющая – вопрос об исполнении судебных решений. Даже если судебные решения выносятся в приемлемые сроки (это происходит весьма часто), когда речь идет о взыскании в пользу граждан средств с государства, то они не исполняются годами. Причем должниками являются различные государственные органы – министерство внутренних дел, министерство обороны, пенсионный фонд, федеральное казначейство и т.д. Речь идет, в частности, о выплате довольствия военнослужащим, сотрудникам органов внутренних дел, выплате различных сумм по социальному обеспечению (пенсий, пособий), по возмещению вреда лицам, пострадавшим во время ликвидации на Чернобыльской АЭС и т.д. По словам эксперта-юриста,

Европейский суд констатировал нарушение права на доступ к правосудию, потому что, как он справедливо говорит, если решение суда не исполнено, то это только видимость или иллюзия правосудия.

Российская Федерация обязана подавать пример должного поведения относительно соблюдения этой нормы конвенции и безукоризненно исполнять эти решения. У нас же с исполнением судебных решений целая проблема.

Позиция Европейского суда по этому вопросу становится еще более понятной, если учесть, что своевременное исполнение судебных решений в полном объеме является безусловным признаком цивилизованной судебной системы. Эксперт-юрист обращает внимание на позицию председателя Конституционного суда ФРГ, обнаруженную в российской прессе еще в 1990-е годы:

И тогда у нас были проблемы с исполнением судебных решений. Я очень хорошо помню его реакцию, когда ему задали вопрос: как у вас возникнет такая ситуация, когда судебное решение не исполняется? Он обомлел, подумал и потом сказал, что это будет означать, что у нас произошла революция. Я себе даже представить такого не могу. Так оно и есть.

Третья составляющая, связанная с применением шестой статьи Конвенции: вопрос о пересмотре судебных постановлений по гражданским делам, которые вступили в законную силу. Европейский суд считает, что если судебная ошибка допущена, то она должна, как правило, исправляться в суде второй инстанции (в России это кассационное или апелляционное производство), а не доходить до следующих, надзорных инстанций. Эксперт-адвокат обращает внимание на слабость кассационной инстанции в современном российском суде: *посмотрим на нашу кассацию по процессуальному законодательству – будь то гражданскому или будь то уголовному. Это, мягко говоря, жалкое подобие суда первой инстанции.*

По мнению эксперта-юриста, все эти проблемы относятся к числу решаемых. Так, решение вопроса об исполнении судебных решений может быть связано с тем, что должник, не исполняющий судебное решение по неуважительной причине (для государства уважительных причин быть не может) должен нести дополнительную ответственность, то есть выплачивать штрафные санкции за просрочку исполнения судебного решения:

Штрафы должны быть не символические, а очень серьезные. Если в течение года не исполняется решение, вынесенное в пользу гражданина, то он получает сумму, в 10 раз большую. Чтобы не было должнику выгодно не исполнять решение. Он тогда стремился бы к тому, чтобы как можно быстрее исполнить решение и снять с себя все обязательства.

Эта точка зрения хорошо корреспондируется с позицией Верховного суда России, в котором к июню 2008 года был подготовлен «О возмещении государством вреда, причиненного нарушением права на судопроизводство в разумные сроки, а также права на исполнение в разумные сроки вступившего в законную силу судебного акта». Согласно документу, волокиту можно

оспорить в вышестоящем суде. В проекте говорится, что это вправе сделать любые участники любого процесса и даже осужденные. Проект позволяет требовать компенсации за неисполнение решения суда не позднее чем через полгода с момента окончания исполнительного производства. От имени России в суде Минфин будет доказывать отсутствие нарушений - с учетом сложности дела, поведения сторон, действий государственного органа, значимости последствий нарушения.

Требование о возмещении вреда проект предлагает доказывать. «Размер возмещения определяется судом с учетом конкретных обстоятельств, требований справедливости и стандартов, выработанных на основании Конвенции о защите прав человека», - отмечается в документе. Суд вправе ограничиться и простым подтверждением факта нарушения, вынося в адрес обидчика частное определение. Кроме того, в этот законопроект заложена возможность получать компенсацию за все нарушения, по всем статьям Европейской конвенции. По словам председателя Верховного суда Вячеслава Лебедева, «важно, чтобы гражданин мог решать все вопросы здесь, внутри страны, а потом уже, если останется необходимость, идти в Страсбург. Ведь Европейский суд тоже не очень скорый - на принятие постановления по жалобе уходят годы».

Вопрос о разрешении гражданских дел в суде второй инстанции также может быть связано с конкретными мерами. Эксперт-юрист отмечает, что можно заимствовать некоторые положения из арбитражно-процессуального кодекса, рассматривая решения судов общей юрисдикции в кассационной инстанции по существу (по аналогии с апелляционной), а не только по кассационным поводам:

Я думаю, что все кассационное производство надо преобразовывать в производство апелляционное. Тогда уже можно говорить, что надзорное производство должно стать исключением из правил. Для этого вторая инстанция должна иметь реальные возможности обстоятельно изучить все, что имеет значение для дела и принять законное обоснованное решение. Для этого нужно менять процедуру.

Россия и Европейский суд

Вопрос об ангажированности суда

Большинство экспертов отрицают, что Европейский суд при принятии решений ангажирован в отношении России, движим антироссийскими мотивами, «придирается» к России больше, чем к другим странам. Напротив, подчеркивается, что к нашей стране суд относится не более строго, чем к другим ответчикам, которые также высказывали недовольство позицией суда.

Эксперт-юрист полагает, что европейские судьи не являются ангажированными: *Я там многих судей знаю лично, особенно западных. Там дух другой. Как у нас позвонил один к другому, ты там посмотри. У нас звонки губернаторов - надо так решить. Там это исключено. Если говорить о чистоте деятельности, то я не могу сказать – за годы существования не было ни одного коррупционного дела.* Он обращает внимание на то, что судьи иногда принимают непопулярные в своих странах решения, которые создают им проблемы, когда они по истечении срока полномочий возвращаются на родину (кстати, к таким судьям эксперт относит и нынешнего российского члена суда Анатолия Ковлера). Впрочем, один из экспертов-адвокатов считает, что члены Европейского суда, которые представляют те или иные государства, по своей сути несут определенную политическую функцию и смотрят на дела через призму политической составляющей. Другой эксперт-адвокат также считает, что суд становится все более политизированным: *Я посмотрел на дела, по которым там выносились последние решения. Просто вижу ангажированность. Там «лимоновцы», все дела самые последние.* Эксперт-юрист, долгое время работавший в прокуратуре, полагает, что в суде государство каждое имеет по одному человеку. *Вы видите, какое сейчас отношение к России по ряду позиций и по ряду моментов. Конечно, эти судьи – тут есть психологический фактор – те, кто против России по ряду вопросов, то и судьи их голосуют против.*

Однако такая позиция не свойственна большинству экспертов. Так, еще один эксперт-адвокат отвергает версию о политизированности суда:

В общем, я полагаю, что политической составляющей применительно к деятельности Европейского суда можно пренебречь... Когда я смотрю за деятельностью судьи от России, например, - когда выносится решение против России большей частью, то бывает очень высокой квалификации юристы. Анатолий Ковлер был. Бывают такие особые мнения, но они являют собой исключение.

Эксперт-адвокат описывает конкретные механизмы, которые позволяют избежать ангажированности суда, его политизации:

Если страна находится в конфликтных отношениях с Россией, - Литва или Эстония, то из тех же соображений политкорректности это дело направят к греческому или португальскому судье, еще кому-то. Суд очень блюдет за этим, сам по себе, чтобы его нельзя было упрекнуть в какой-то политической ангажированности. Я считаю, что даже чрезмерно блюдет.

Эксперт-юрист обращает внимание на то, что вопрос о политизированности суда препятствует заимствованию позитивного европейского опыта. По образному выражению этого эксперта, этот вопрос вызывает у юристов Европейского суда «просто приступ зубной боли»:

Потому что они подчеркивали, что даже когда они пытаются работать в плоскости ликвидации безграмотности либо совместной выработки рекомендации с российскими юристами, то очень часто ощущение барьеров, что это политические решения, мешает людям понять, что рекомендуются здоровые и необходимые вещи. Если отбросить все эти предрассудки и посмотреть, что рекомендует суд, а также что рекомендует на основе его практики Совет Европы, то зачастую это здоровые и необходимые стране вещи.

Особое внимание эксперты обращают на «дело Илашку», которое, как они считают, стало одной из причин охлаждения отношений России и Европейского суда. Фабула дела - Илашку и несколько других лиц обратились в Европейский суд с иском, в котором, в частности, обвинили Россию в том, что она виновна в их заключении в приднестровскую тюрьму на длительный срок по обвинению в террористической деятельности во время конфликта между Кишиневом и Тирасполем в 1992 году. Европейский суд вынес решение в пользу истцов, несмотря на заявления представителей России о том, что Приднестровье не входит в ее состав и, следовательно, на этой территории не действует российская юрисдикция и законы. Россия считает это решение политически ангажированным (в СМИ обращалось внимание на то, что после освобождения из приднестровской тюрьмы Илашку был встречен в одной из европейских стран – Румынии – как герой; он же был избран румынским сенатором). По мнению эксперта-юриста,

там же действовал прецедент. Была точно такая же турецкая армия, которая оккупировала Кипр. Когда произошло отторжение северо-восточной части Кипра, южане все время жаловались, что их дома забрали. Мешают встречаться с родственниками. За все отвечала Турция. Турция даже однажды отказалась платить по этим делам. Это, кстати, был единственный случай в истории суда, - отказ государства платить. Потом Турция смирилась.

Этот же эксперт обращает внимание на то, что Россия проиграла дело в том числе и из-за недостаточного профессионализма ее представителей на

данном процессе. Они не использовали выгодные для России аналогии с делами о ситуации в Северном Кипре: *Спросили тогда, а сколько танков было на территории Кишинева, в Приднестровье, российских. Наш представитель радостно отвечает, что 14 танков. Это, действительно, немного. Но если бы представитель догадался сказать, что по сравнению со 120 турецкими танками, 14 танков – это мало, была бы замечательная аргументация.* Однако этот аргумент, весьма наглядный и при этом понятный европейским судьям, не был использован. В результате судьи решили, что 14 танков – это много для Приднестровья с его сравнительно небольшой территорией.

Впрочем, недостатки позиции российской стороны были не единственной причиной ее поражения в данном деле. Даже при использовании всех возможностей результат рассмотрения дела был бы неясен, так как в ее позиции были заведомо уязвимые моменты, которые было очень трудно компенсировать профессионализмом: *Какое политическое решение, когда там стоял генерал Лебедь с 14-й армией! Сам говорил, что без меня тут козел в огород не залезет. Это не проходит по материалам дела, конечно. Но очевидно, что это имеет какое-то значение. Наша армия и наше присутствие там.* (эксперт-юрист).

Другой эксперт-юрист обращает внимание на еще одну немаловажную сторону влияния этого сложного и противоречивого дела на отношения России и Европейского суда, в числе и отказ от ратификации 14-го протокола: *Приводят дело Илашку в пример. Да? Даже если абсолютно соглашались с тем, что Страсбург здесь разрешил неправильно, Россия не несет ответственности за все, что там происходило с Илашкой. Даже если с этим соглашались, то почему это можно рассматривать как основание для неодобрения процедурных изменений? Тогда это уже – чистая политика.* В любом случае, речь идет об одном деле, при рассмотрении которого у обеих сторон были свои аргументы, в той или иной степени оказавшие влияние на принятие судебного решения.

Еще одна категория дел, решения по которым вызывают неприятие российских властей – «чеченские», связанные с компенсациями за гибель и исчезновением людей, уничтожение имущества во время антитеррористической операции в Чеченской республике. Удельный вес таких дел в общем количестве уже рассмотренных сравнительно невелик – к концу 2007 года были вынесены решения по 20 чеченским делам, в первой половине 2008 года – еще по нескольким. Однако тот факт, что эти дела не только регулярно проигрываются российской стороной, но и активно обсуждаются не только в отечественных, но и в зарубежных СМИ, приводит к имиджевому ущербу для властей России.

Проблема «чеченских» дел состоит в принципиально различном подходе российской и европейской сторон к данной болезненной проблеме. Так, Европейский суд принципиально придерживается принципа

безусловного приоритета человеческой жизни над любыми другими соображениями. Аналогичное положение имеется и в российской Конституции, однако оно не является неоспоримым для значительной части российского истеблишмента. Кроме того, Европейский суд при оценке доказательств не отдает предпочтения официальным документам, исходящим от государственных органов, что непривычно для весьма этикетизированного российского правосознания. Наконец, не следует сбрасывать со счетов и эмоционального фактора, когда судьи, даже стремясь к максимальной неангажированности, все-таки сочувствуют пострадавшей стороне и бессознательно «подыгрывают» ей. Все эти обстоятельства усиливают напряженность в отношениях между Россией и судом, но, как представляется, не могут быть непреодолимым препятствием для позитивного развития отношений между ними.

Один из экспертов-юристов призывает спокойно относиться к решениям Европейского суда, которые не устраивают российскую сторону. Он проводит параллели с деятельностью других судебных инстанций, решения которых также нередко вызывают противоречивую реакцию. Юрист обращает внимание на то, что

для всех суд хорошим быть не может. Очень часто лицо, которое проиграло процесс, обвиняет суд любого масштаба – районный суд и европейский суд – в том, что он был ангажированным и предвзятым и т.д. Поэтому от таких обвинений избавиться и предупредить раз и навсегда невозможно. Поэтому подобного рода высказывания в адрес Европейского суда для меня не удивительно. Я думаю, что судьям надо к этому относиться спокойно и философски.

Вопрос о политизированности Европейского суда, кстати, поднимает и один из истцов – оппозиционный политик из Москвы, который проиграл свое дело. Он считает, что поражение связано с тем, что его дело было объединено с иском еще одной политизированной российской фигуры, причем другой истец выиграл дело. *Проиграл, как мне объяснили, по причине сбалансированности Страсбургского суда,* - говорит респондент, считая, что судьи сознательно приняли компромиссное решение. Таким образом, как некоторые представители российской власти, так и проигравший истец-оппозиционер, по сути дела, едины в признании политизированного характера решений суда – хотя и по разным соображениям. Представляется, что такой подход в значительной степени связан с общей проблемой – поражением в ходе судебных разбирательств.

Количество российских жалоб в Европейский суд велико, однако, по мнению экспертов, оно не столь значительно, если иметь в виду общую численность населения России. Некоторые страны из числа «новой Европы» опережают Россию по количеству исков на душу населения.

Если пересчитать число подаваемых жалоб на душу населения, то оно существенно ниже, чем в других странах. Не самое низкое, - например, не

выше, чем в Румынии. Там подается очень мало жалоб. Там небольшое количество населения. Но если посчитать на душу населения, то там получается выше, чем у нас (эксперт-правозащитник).

Вопрос об ангажированности, разумеется, следует отделять от проблемы судебных ошибок. Эксперт-правозащитник считает, что судьи из Страсбурга вовсе не являются непогрешимыми: *Конечно, в Европейском суде те же люди, которые могут ошибаться. Я знаю, что по некоторым делам, которые мы направляли туда, принимаются неправильные решения. Но там есть возможность обратиться в более высокую инстанцию.*

Ратификация 14-го протокола

Вопрос о ратификации 14-го протокола к Европейской конвенции по правам человека, ускоряющего процедуру рассмотрения дел, является одним из важнейших в отношениях России с Европейским судом. Россия остается единственной страной, до сих пор не ратифицировавшей этот протокол: более того, в 2006 году Государственная дума отклонила соответствующий законопроект. Данным документом, в частности вводится критерий, позволяющий суду признавать жалобу неприемлемой при незначительном ущербе, понесенном заявителем, и увеличивается срок полномочий судей с шести до девяти лет. Кроме того, теперь один судья, а не три, как раньше, будет решать, принимать ли жалобу к рассмотрению.

Затягивание ратификации Россией 14-го протокола вызывает негативную оценку абсолютного большинства экспертов. Они считают, что нет серьезных объективных обстоятельств, мотивирующих такие действия. В целом, эксперты позитивно или нейтрально оценивают содержание 14-го протокола. Эксперт-юрист не видит в этом документе *ничего, что нарушало бы права российских граждан. Абсолютно ничего. На мой взгляд, я не вижу никаких препятствий для его ратификации.* Другой эксперт-юрист полагает, что *никаких убедительных аргументов по этому поводу сама Госдума не предъявила. Единственный вменяемый аргумент, который там прозвучал, - они прозвучали от специалистов Косачева и Маргелова о том, что ратифицировать надо, но их не услышали.*

Эксперт-адвокат крайне эмоционально оценивает позицию российских депутатов, отклонивших законопроект о ратификации: *Одно слово – позор. Позор Российского государства.* Другой эксперт-адвокат высказывает идентичную точку зрения, хотя и не столь резко: *Нужно ратифицировать. Мы к этому выводу пришли не просто так, а исходя из того вала жалоб, который попадает в Европейский суд. Очевидны ситуации, что просто не справляются судьи.* Еще один эксперт-адвокат обращает внимание на значение этого протокола не только для улучшения функционирования суда, но и для совершенствования российской правовой системы, *потому что*

одна из концептуальных идей этого протокола состоит в обязательности... практики Европейского суда для национального правоприменителя. Это означает уже прямое введение этих стандартов в ткань правовой системы.

Впрочем, эксперт, долгое время работавший в прокуратуре, высказывает предложения, которые, по его мнению, могут улучшить работу Европейского суда, но не вошли в 14-й протокол: *Необходимо пойти по такому пути – увеличить количество судей. Такие предложения высказывались. Хорошо было бы, чтобы пошли от количества населения. В России больше населения, нужно больше судей.* Впрочем, очевидно, что большинство европейских стран не одобрит подобную инициативу, которая наносит ущерб интересам «малых государств».

Один из экспертов-юристов полагает, что Россия права, отказавшись ратифицировать 14-й протокол: *Единолично судья будет вас оценивать, причем далеко за тысячи километров... Вводится дополнительный критерий, который позволяет суду признать жалобу неприемлемой в зависимости от значимости понесенного заявителем материального ущерба... А разве не понятно, что даже если на копейку государство нанесло мне ущерб, оно обязано ответить.*

Один из экспертов-правозащитников высказывает противоречивую позицию, в отношении содержания протокола, но, несмотря на это, склоняется к необходимости ратификации этого документа, ссылаясь на универсалистский характер европейского правосудия:

Для меня это очень трудный вопрос. Я тоже не понимаю, надо ли его ратифицировать. Один судья решает – вот как тут, принятие решений? На самом деле, мы долго обсуждали. Я думаю, что нет единого мнения. Но если принять то, что там суд независимый и судьи независимые, то это имело бы очень большой шаг в сторону того, что дела рассматривались бы не 5-7 лет, а ускорилось рассмотрение дела.

Один из экспертов-адвокатов, в свою очередь, считает проблему единоличного принятия решений о приемлемости жалобы, несущественной: *У нас тоже один судья рассматривает дело, и никто не говорит, что он необъективный. Т.е. или ты веришь судье Европейского суда или не веришь.*

Один из экспертов-юристов обращает внимание на то, что отказ от ратификации протокола ухудшает имидж России в Европе, но при этом страна лишь незначительно сможет повлиять на порядок работы суда:

Такое влияние может нанести ущерб самим российским гражданам: Будучи единственной страной, которая не ратифицировала протокол, Россия показывает себя в худшем свете. Она никому не сможет воспрепятствовать работать так, как надо. Страсбург будет работать по новым правилам. Единственное, что он может сделать, - это сохранить для России старые правила. Значит, жалобы российских граждан будут рассматриваться в меньшем количестве и медленнее, чем жалобы всех других граждан.

Хотя, по мнению этого же эксперта, если Европейский суд захочет, то он сможет обойти и российскую «блокировку» путем внесения поправок в свой регламент, которые будут предусматривать возможность действий в том случае, если протокол не ратифицировала только одна статья. Впрочем, как представляется, это «крайний» и явно нежелательный для суда вариант, так как он может еще более осложнить его отношения с Россией и поставить вопрос о легитимности его решений.

Официально считается, что отказ от ратификации 14-го протокола является инициативой Государственной думы, тогда как представители исполнительной власти неоднократно выступали в поддержку ратификации. Однако полный контроль президентских структур над Думой заставляет экспертов крайне скептически относиться к версии о самостоятельном решении парламентариев. Эксперт-правозащитник полагает:

Наша Госдума не самостоятельна. Она полностью под властью. Большинство из них принадлежит к т.н. партии власти. Но это не партия власти, а партия при власти... Они возражают потому, что этого не хочет наша федеральная исполнительная власть. Потому что ее раздражает Страсбург, к которому она не может позвонить по телефону.

Информированность о деятельности суда

Информированность о деятельности Европейского суда оценивается экспертами как явно недостаточная. При этом данная проблема касается даже работников отечественной судебной системы. Эксперт-адвокат обращает внимание на то, что Пленум Верховный суд издал в 2005 году постановление, в котором всем судам во избежание любых нарушений Конвенции необходимо принимать во внимание практику Европейского суда. Однако он не разъяснил судьям, откуда они должны получать информацию о его решениях:

Не секрет, что сам Европейский суд выносит их на своих рабочих языках - английском и французском. Поэтому должен быть аутентичный, надлежащим образом заверенный перевод. Да, там написано, что судебный департамент должен обеспечивать суды этими переводами. Насколько мне известно, до настоящего времени отработанной четкой системы извещения нет. Поэтому судьи узнают про эти решения так же, как и все остальные граждане, - из Интернета, из каких-то сообщений в СМИ.

Эксперт, долгое время работавший в органах прокуратуры, отмечает отсутствие у органов российской власти достаточного интереса к информации о работе Европейского суда: *Как-то я принес в ведомственный журнал четыре статьи о деятельности Европейского суда. Мне позвонил*

один высокопоставленный работник из генпрокуратуры и сказал: «Что Вы делаете. В редакции недовольны, зачем это все публиковать». Я ответил – позицию страуса уже нельзя занимать. Такое не пройдет.

Эксперт-правозащитник отмечает как востребованность информации о деятельности Европейского суда в отечественном судебном сообществе, так и попытки (хотя, как выясняется, и не слишком удачные) бюрократии ограничить распространение этой информации:

У нас, кстати, был выпущен учебник «Как подавать жалобу в Европейский суд». Его писал наш английский коллега. После того, как нас пытались привлечь к ответственности, - был запрос, почему мы выпускаем эту книгу - мы все документы представили в прокуратуре, все нормально. Тем не менее, поднялся шум. Когда по радио сказали, что есть такая книга, ее пытаются закрыть, то очень удивительно. К нам пришли запросы от судей – пришлите нам, пожалуйста, эту книгу. Я говорю, что нам сделали просто бесплатный пиар. Это очень важно, чтобы судьи могли пользоваться этим – бюллетени или наши книги, потом использовать в своих решениях.

Вопрос об информированности о деятельности суда тесно связан с темой изменения правосознания российских судей с учетом европейской практики. По мнению эксперта-адвоката, *нужно изменить правосознание судей, а это – очень сложный вопрос. Я знаю, что их учат, возят в Страсбург. Они присутствуют на рассмотрении дел. Мне судья Мосгорсуда с гордостью сказал, что я тоже был в Страсбурге и смотрел, как там рассматривали дело против Грузии. Так ему понравилось.*

Европейский суд и изменения российского законодательства и правовой практики

Эксперт-адвокат обращает внимание на роль Европейского суда в трансформации российского законодательства – он считает, что изменение это очень фрагментарное, не системное и непоследовательное. Данный эксперт выделяет несколько проблемных положений, а именно:

Понятие о жилище. Оно, в отличие от прежнего законодательства, более-менее соответствует европейским стандартам, которые изложены в ряде решений Европейского суда. Европейский суд вынес решение по делу Смирнов против России, признав офис российского адвоката жилищем в контексте восьмой статьи Конвенции, что соответствует и российскому законодательству (речь в основном идет об адвокатских кабинетах).

Заключение под стражу. С одной стороны, был установлен судебный порядок заключения под стражу, зафиксированный в Конституции, но при этом в течение долгого времени игнорировавшийся УПК. Кроме того, было внесено уточнение в статью 108 УПК, обязывающее судью приводить

конкретные и фактические обстоятельства, которые свидетельствуют о наличии оснований для заключения лица под стражу. Хотя практика в этом вопросе существенно отличается от европейской – например, в качестве мотивов для заключения под стражу используются самые экзотичные. Сроки заключения под стражу также довольно обозначены жестко, и их пролонгация, если следовать букве закона, должна тоже осуществляться при наличии определенных оснований. С другой стороны, не реализован стандарт обновления оснований для заключения под стражу. Позиция Европейского суда довольно жесткая – если выдвинуты определенные основания для заключения лица под стражу, то при пролонгации срока заключения должны быть выдвинуты новые основания. Кроме того, в России, как и ранее, существует практика задержания без уведомления родственников. Впрочем, другой эксперт-адвокат считает, что различие в позициях России и Страсбурга связано с противоположными правовыми традициями: *У наших позиция такова, что до приговора он должен сидеть. А дальше – как суд решит, так и будет. Практика Европейского суда склоняется к другому, что человек должен быть на свободе до приговора суда. Если суд выносит обвинительный приговор, то уже тогда человека должны взять под стражу в зале суда.*

Основания к отмене приговора или постановления суда. По мнению эксперта-адвоката,

когда адвокат подает жалобу на приговор или кассационную жалобу на решение по гражданскому делу, приводя десятки аргументов, а в ответ получает только ответ на один аргумент, а остальные все без внимания, - вот это и есть проявление данного пробела. Позиция Европейского суда здесь уже довольно давно сформулирована и жесткая... Лицо имеет право на получение ответа по этим аргументам. Они должны быть проанализированы и должны быть отражены в решении суда.

В то же время правоприменительная практика меняется куда менее существенно. Первой проблемой здесь является тот факт, что большинство судей сейчас не воспринимают для себя как обязывающее разъяснение Верховного суда о необходимости учета в своей практике опыта Европейского суда, часто руководствуясь в большей степени принципом целесообразности, чем строгой законности (в частности, когда речь идет о доказательствах в уголовном процессе, добытых правоохранительными органами).

Вторая проблема – определение Конституционного суда, согласно которому решение Европейского суда в России имеет лишь значение для того лица, для которого они вынесли. По словам эксперта-адвоката,

все остальные лица должны взирать на это как на какое-то теоретическое разъяснение, но абсолютно юридически не значимое для остальных правоприменителей. Я не думаю, что такие

разъяснения высшего судебного органа способствуют распространению прецедентной практики Европейского суда. Я не думаю, что они идут в том направлении, которое обозначил Верховный суд в своем постановлении.

Европейский суд и российская правовая система

Проблемы российской правовой системы: с точки зрения экспертов

Многие эксперты в качестве серьезной проблемы российского правосудия отмечают дефицит независимости судебной системы. Эксперт-правозащитник полагает, что наиболее острая проблема – это *зависимость суда. У нас нет независимых судов практически. Это – самое страшное. Кстати, об этом говорил Медведев. Это не то, что висит в воздухе, а это есть. Отсюда – много жалоб в Европейский суд. Это – взаимосвязанные вещи.* Этот же эксперт отмечает, что судьи, стремящиеся быть реально независимыми, часто вытесняются из корпорации, приводя конкретный пример судьбы одного из судей Московского городского суда, вынужденного покинуть свою должность: *Давайте возьмем Пашина. Что с ним сделали? Это же судья высшей категории. Он был не угоден, потому что сотрудничал с правозащитными организациями. Писал брошюры, как вести себя при аресте. Выносил в Мосгорсуде положительные решения... Что тут говорить?*

По мнению эксперта-юриста, проблема независимости судебной системы является «корнем всего»:

Нет независимого суда. Хоть звучит это уже старо. Судья всю свою служебную деятельность должен быть занят одной единственной мыслью – как усидеть на своем месте. Как не допустить ничего такого, что могло бы привести к удалению его с должности судьи. Если бы для удаления с должности судьи обязательно нужно было бы признать, что судья виновен, умышленно допустил какие-то грубые нарушения закона, вынес неправосудный приговор, тогда бы это было понятно. Но для удаления судьи не нужно таких серьезных отступлений в поведении судьи. Удалить судьи с должности можно из-за чего угодно. Так сформулирован наш закон.

Эксперты обращают особое внимание на необходимость обеспечения реальной независимости суда, что невозможно без повышения уважения к личности судьи и принимаемым им решениям. В частности, сравнивается положение судьи в современной России и в странах с развитыми демократическими традициями. Эксперт-юрист полагает, что для достижения подлинной независимости судья должен нести ответственность только за допущенные им нарушения при рассмотрении дел, но не сами решения, даже если они носят спорный характер. Судья не должен находиться под постоянным «дамокловым мечом» ответственности за решения, принятые им добросовестно. Необходимо уважение к праву судьи на внутреннее

убеждение при вынесении решений. Ссылаясь на мнение одного из выдающихся английских юристов, он заявляет, что

судья не должен дрожащими от страха пальцами перелистывать книгу и думать, буду ли я отвечать, если приму такое решение, или не буду отвечать, если приму другое решение. До тех пор пока судья уверен, что он действует в соответствии со своей компетенцией и законом, он не может нести никакой ответственности. Судья может ошибаться в вопросе о праве, в вопросе о фактах, но пока он убежден, что решает правильно, он сам убежден, - он не может нести никакой ответственности.

Вопрос об ответственности судьи поднимает и эксперт-юрист, считающий необходимым укрепление принципа несменяемости судей с тем, чтобы лучше защитить их от административного произвола, используя, в частности, и международный опыт:

Мы говорим, что судью легко убрать с должности. Значит, надо сделать так, чтобы это было не так легко. Есть такие способы? Есть. Можно уточнять основания привлечения к ответственности. Можно сказать, как в других странах, что убрать судью с должности можно только на основе процедуры импичмента. Т.е. когда за это будет голосовать законодательное собрание. Ведь такие процедуры есть в других странах. Есть в других странах и иное решение вопроса – особые дисциплинарные суды, которые чем хороши? Они не работают с судебной системой. Они не рассматривают каждый день дела.

По мнению этого же эксперта, на сегодняшний день статус судьи не гарантирует ему такого положения, когда он мог, не обращая внимания ни на что, четко выполнять свою конституционную функцию – обеспечивать права и свободы.

Эксперт-правозащитник поднимает вопрос о зависимости суда от исполнительной власти, в том числе от региональной. Правда, она несколько уменьшилась по сравнению с 1990-ми годами, когда «регионалы» напрямую доплачивали судьям из своих бюджетов, то сейчас уже не решаются делать доплаты к зарплатам, но, скажем, ремонт судебного помещения, снабжение суда оргтехникой и т.д. также зависят от местных властей.

Еще одна составляющая судейской зависимости – влияние на позицию судей председателей судов. По мнению эксперта-правозащитника, зависимость судьи от председателя может быть самой разной:

Во-первых, распределение дел. Это очень важно, когда дают какие-то муторные дела одному судье, а потом говорят, что он очень долго ведет свои дела, тянет бюрократическую волюнку и т.д. Другому судье отдают легкие дела... Второе – предположим, что у этого судьи (все же люди) взрослая дочь или взрослый сын, которые хотят

квартиру получить для своих родственников. Это тоже от председателя зависит.

В то же время ряд экспертов не склонны считать, что российская судебная система носит тотально зависимый характер, хотя отдельные ангажированные решения сильно влияют на общественное мнение и, становясь известными населению, дискредитируют судебную систему в целом. Эксперт-адвокат полагает, что

большинство дел у нас – незначимых и гражданских – они разрешаются по закону, вполне справедливо. Есть определенная категория дел, по которым, собственно говоря, и составляется общественное мнение о нашем правосудии... Да, в бочке меда – у нас отнюдь не бочка меда, а бочка патоки, – кладется ложечка дерьма. В результате получается бочка дерьма.

По мнению многих экспертов, все достоинства российского законодательства нивелируются крайне негативной правоприменительной практикой. Так, эксперт-юрист полагает, что *одно дело – иметь прекрасный закон. Другое дело – применять его. Самый прекрасный закон можно испортить самым отвратительным правоприменением.* Он же обращает внимание на то, что если Конституция России соответствует принципам Европейской конвенции, то *проблемы возникают в связи с тем, что наше некоторое внутреннее законодательство, процессуальное законодательство, наша деятельность судов по рассмотрению конкретных дел очень часто нарушают некоторые права, предусмотренные конвенцией.* Эксперт-адвокат солидарен с предыдущим мнением, считая, что

неисполнение судебных решений – это просто колоссальная проблема для России. Ведь известно, что огромный процент жалоб касается именно этого. Причем, не исполняются судебные решения – можно в отдельных ситуациях объяснить это тем, что их невозможно исполнить. Ликвидированы те предприятия и организации, которые должны это исполнить. Но парадокс состоит в том, что не исполняются решения о взыскании с государства определенных средств в пользу заявителя.

Эксперты поднимают вопрос комплектования судейского корпуса, которая существенно отличается от практики, принятой в странах с развитыми демократическими традициями, где судьями становятся опытные юристы, нередко обладающие опытом работы в качестве адвокатов. Такие судьи представляются более компетентными и, кроме того, обладают определенными мировоззренческими установками, включающими в себя уважение к правам человека. В России же происходит «воспроизводство» судей советского типа, обладающих «обвинительным уклоном». Эксперт-адвокат обращает внимание на американский опыт формирования судейского корпуса:

США, например. Из кого его формируют? Адвокаты. Юристы, которые поработали с людьми в частных фирмах, и знают, в чем дело, у которых в общем правовые либеральные установки. Кто у нас? Судебная система сама себя воспроизводит в значительной степени. Бывшие секретари судебных заседаний, которые учатся у своих старших коллег. Там передается опыт. Кроме того, из правоохранительных органов – прокуроры, налоговики, оперативники и прочее. В федеральных судах практически бывших адвокатов нет.

Эксперт-юрист также уделяет особое внимание необходимости улучшения состава судейского корпуса:

Судьи должны быть образованными, разумными. Вообще-то, надо бы и интеллект проверять. У нас этой системы проверки нет. Хотя у нас система подбора судейских кадров считается с относящейся именно к профессиональному подбору, а не к бюрократическому... Корпоративные требования мы к ним предъявляем. Во-первых, это требования очень незначительные. То, о чем я сказала, - они, в основном, сводятся к мандатным требованиям. Кто и кем был из родственников, где ты сам служил и т.д. Но они не сводятся к проверке профессионально необходимых качеств.

По мнению эксперта-адвоката, необходимо вернуться к выборности судей, существовавшей в советское время – хотя, разумеется, и на принципиально иных основаниях: *Судей начать выбирать. Выборность судей, причем, независимых судей. Это – та рекомендация, которую можно дать всей политической системе в целом.* Впрочем, эксперты высказывают и точку зрения, согласно которой судейский корпус достаточно квалифицирован и в серьезных изменениях не нуждается. По мнению другого эксперта-адвоката, *кадры судейские очень хорошие. Есть «белые вороны», но они очень быстро исчезают.*

Вопрос о коррумпированности суда, с точки зрения экспертов, носит противоречивый характер. С одной стороны, признается факт коррупции, но, с другой стороны, рядом экспертов не поддерживается точка зрения о ее системном характере для российского правосудия. Эксперт-адвокат считает, что взяточничество в судах общей юрисдикции ограничено.

Берут, конечно. Эта проблема применительно к уголовному правосудию – проблема оперативников, у них есть план. На этой стадии практически есть реальные возможности определить ход дела – возбудить или не возбудить, квалифицировать так или эдак. Посадить или не посадить, направить ходатайство в суд. В суде уголовном их возможности меньше. Во всяком случае, процент оправдательных приговоров низкий. В известной степени это говорит, что здесь есть коррумпированность. Но она есть и при принятии законных, обоснованных решений, в приговорах, связанных с мерой наказания, предположим. В судах арбитражных – я не практикую

там, но из источников, заслуживающих доверие, могу сказать, что там жуткая проблема.

Другой эксперт-адвокат также называет арбитражные суды в качестве «проблемных» с точки зрения коррумпированности, но куда более благосклонно относится к ситуации в судах общей юрисдикции: *СМИ запугали граждан, что все суды коррумпированы. Не настолько они коррумпированы – я имею в виду суды общей юрисдикции, где судятся граждане. Я не трогаю систему арбитражных судов – она достаточно сильно коррумпирована и лоббируема.*

Впрочем, один из экспертов-юристов высказывает более жесткую точку зрения: *В условиях, когда суд по существу коррумпирован, правоохранительные органы настроены не на защиту прав, а на то, чтобы карать.*

Вопрос о целесообразности сохранения надзорного производства решается экспертами достаточно осторожно. По мнению эксперта-адвоката, *надзор у нас необходим... Это как раз те самые национальные особенности, связанные с местоположением страны... Давайте представим себе – приговоры федеральных судов. Красноярский край, райончик какой-то, который на пару тысячи километров отстоит от областного центра, где должен быть пересмотр... Все свидетели должны из района приехать в Красноярск. Как это сделать? Кроме того, отсутствие надзора отсечет наши регионы от Верховного суда. По делам, которые политически мотивированы на уровне регионов, правду найти можно только в Верховном суде.*

Проблемы российской правовой системы: с точки зрения истцов

Респонденты отмечают большое количество проблем российской правовой системы, причем многие из них близки к позициям экспертов по данным вопросам, также участвовавшим в данном исследовании. Такая солидарность профессионалов и непрофессионалов свидетельствует об объективной значимости данных проблем как для судебной системы, так и для общества в целом.

Главная проблема, отмечаемая многими участниками исследования – негативная правоприменительная практика, которая в значительной степени девальвирует качество законодательных актов. При этом значительная часть респондентов считают, что дефекты правоприменения напрямую связаны с тем, что суды не являются в полной мере независимыми. Так, истец из Москвы считает, что

самая главная проблема – это отсутствие у России независимого правосудия. Суды принимают решения, которые они должны принять,

а не те решения, которые вытекают из сути дела. Это самое главное, то, что написано в первых статьях Конституции, и УК, И ГК, и процессуального кодекса. Хотя, я думаю, что российское законодательство практически на 100% соответствует всем международным нормам и европейской конвенции. Вопрос здесь только в правоприменении.

Истец из города Шахты также крайне разочарован в степени независимости судей: *У нас все зависят от верхней власти. Все. Они ни одно решение сами не примут.* Он же противопоставляет Страсбургский суд российскому, хотя и в отношении него не испытывает большого оптимизма, причем не из-за плохого качества европейского правосудия, а из-за российских чиновников: *Мы когда в Страсбург написали, то нам прислали из Москвы письмо, что нам Страсбургский суд не указ, у нас свой закон. Так что мне кажется, что они не боятся никого.*

Другая проблема правоприменения состоит в том, что даже при наличии высококвалифицированного и независимого судьи, принимающего справедливые, с точки зрения респондентов, решения, их исполнение тормозится на уровне ответчиков, если речь идет о государстве. Истец из Батайска заявляет, что *суд всегда был на нашей стороне. Но после этого начинается... Как в собес воткнули нас – все, тупик. Мы знаем этих судей и уважаем, они – грамотные люди. Мы подали туда, там то отказ, то волокита, все какие-то препоны. Говорят очень красиво.* Истец из Волгодонска также позитивно относится к российским судам. На вопрос о том, справедливо ли судят в России, он отвечает: *Я считаю, что в районах и городах, областных городах – справедливо.* Однако и он крайне недоволен тем, как исполняются решения судов.

Респонденты отмечают неравноправие различных участников судебных процессов в зависимости от их материального положения или системы связей. «Простой человек» (с которым идентифицируют себя истцы) противопоставляется в этом случае богатым и влиятельным представителям элиты, а также государству. Истец из Батайска формулирует эту проблему следующим образом: *Если деньги есть, то решение будет принято. Если нет денег, то по инстанциям будут гонять туда и сюда. Это не для простого человека. Простому человеку в наше время очень трудно пройти по всем этим инстанциям и добиться своей правоты.* Показательно, что этот же истец рекомендует «простому человеку» в случае нарушения его прав обращаться в Страсбургский суд как более справедливый, чем отечественная судебная система. *Понимаете, у нас те, у кого деньги, имеют все. У кого нет денег, тот не имеет ничего,* - афористично резюмирует истец из Воронежа.

Еще одной проблемой является коррумпированность судебной системы, хотя эта тема для истцов носит куда менее значимый характер, чем предыдущие. Истец из Москвы полагает, что *существуют те же арбитражные суды, которые выносят решения, но явно не обоснованные и*

*явно не законные, - в пользу той стороны, которая, грубо говоря, дала взятку. Все основные злоупотребления идут по судам первой инстанции, а потом уже идет по накатанной, и все остальные просто штампуют те же самые решения. Показательно, впрочем, что многие респонденты не приводят конкретных фактов коррумпированности судей – очевидно, что они лично с ними не сталкивались, а получали такую информацию из различных источников (СМИ, слухи и т.д.). Возможно, одна из причин этого состоит в том, что истцы, которые участвовали в опросы, как правило, подавали иски на сравнительно незначительные суммы и не участвовали в «дорогостоящих» процессах (не случайна отсылка московского истца на опыт арбитражных судов). Часть респондентов упоминает тему коррупции в контексте «общих пожеланий», не апеллируя даже к слухам: *Честными должны быть люди, наверное, и неподкупными. Да, не должно быть коррупции. Это от людей зависит. От чиновников, от судей. От них много зависит* (истец из Воронежа).*

Впрочем, ряд истцов высказывают опосредованные обвинения в коррупции, которые переключаются с предыдущей проблемой – неравноправием «бедного» и «богатого». Истец из Воронежа (дело по детским пособиям, которые не выдавались в банке) заявляет, что судья *вела себя, конечно, очень плохо по отношению к нам – мамочкам. По отношению к банку, который богатый, она вела себя иначе. В общем, суд был не в нашу пользу.*

Высказываются претензии и к кадровому составу судейского корпуса. По мнению истца из Москвы,

судьи нынешние, если посмотреть по статистике их судьбу, это – секретари судей, которые закончили заочный или вечерний институт. Вот это как бы карьерные судьи... Это – те девушки, которые смотрят как тень. Она после школы села на содержание судьи, на очень низкую зарплату. Она видит, как ведут судебные заседания ее шефы. Она воспитана вот в этой системе, и такая система не дает, к сожалению, становиться судьями в том смысле, о котором я уже говорил.

В качестве альтернативы таким судьям респондент видит избираемых судей из числа юристов, успевших поработать в адвокатуре, прокуратуре, следственных органах, обладающих значительным жизненным опытом и способных принимать самостоятельные решения. Впрочем, большинство истцов не склонны изучать биографии судей, а также предлагать инициативы по изменению порядка комплектования судейского корпуса. Приведенное выше мнение московского истца является, скорее, исключением, подтверждающим правило – речь идет о весьма политизированном респонденте, фактически берущем на себя экспертные функции.

Возможность позитивных изменений

Негативное отношение истцов к российской судебной системе и правоприменительной практике приводит к весьма скептическим оценкам возможностей изменений в этих сферах. Истец из Воронежа считает, что позитивные преобразования в судебной системы невозможны без изменений глобального характера, связанных с морально-нравственным состоянием общества:

Весь мир перевернуться должен, он же перевернулся в худшую сторону. Сейчас у людей, в основном, деньги, нажива - прав ты или нет, но за деньги все покупается; получается, что деньги – мерило... Должны вернуться доброта и порядочность. Сейчас у людей воспитание другое... Нас родители учили, чтобы были честными. Сейчас родители начинают учить, что честными не надо быть. Честность погубит.

Впрочем, есть и другие мнения. Истец из Колодезного Воронежской области возлагает свои надежды на Дмитрия Медведева, который может способствовать значительным изменениям к лучшему: *Только революционные преобразования какие-то. Может быть, наши депутаты придумают с новым президентом. Он же юрист, да еще на английском разговаривает. Дай Бог.*

Что касается экспертов, то они рассчитывают на повышение правовой грамотности россиян, рассчитывая, что именно этот процесс будет стимулировать изменения. По мнению эксперта-юриста, *нужно быть очень хорошо юридически подкованным. Следить за всем, что происходит в зале суда. Не постесняться посмотреть протокол. Сейчас не просмотришь, все записывается автоматически. Добиваются люди справедливости, почему нет. Эксперт-адвокат рекомендует гражданам просто требовать, чтобы сам суд исполнял закон. Более жестко отстаивать свои права. Ссылаться на Европейскую конвенцию. Эксперт-юрист полагает, что надо не сдаваться... Человеку, который хочет чего-то добиться, нужно продолжать пользоваться всеми возможностями, которое предоставляет национальное законодательство.*

Таким образом, эксперты фактически предлагают обществу вариант, к которому опытным путем пришли сами истцы – необходимость ответственного поведения, осознанной защиты собственных интересов, то есть всего того, что способствует развитию гражданского общества. Впрочем, эксперты высказывают и другие мнения, дополняющие приведенные выше. Так, эксперт-адвокат считает, что для улучшения функционирования судебной системы необходимо как наличие политической воли со стороны государственной власти, но и отказ от принципа, при котором *по тем делам, в которых есть политический интерес, выносят решения, выгодные и угодные государству и власти.* А эксперт-

правозащитник полагает, что у нас должно быть демократическое государство. Когда будет демократическое государство, тогда будет гражданский контроль.

Приложение

Список респондентов

№	ФИО	Возраст	Город
Ростовская область			
1.	Арьков Владимир Валентинович	64	Волгодонск
2.	Буцев Виктор Григорьевич	57	Шахты
3.	Важенин Николай Егорович	57	Шахты
4.	Василенко Михаил Иванович	57	Батайск
5.	Васильев Борис Васильевич	47	Батайск
6.	Гавриленко Виктор Александрович	59	Батайск
7.	Грицай Игорь Дмитриевич	49	Шахты
8.	Денисенков Владимир Николаевич	55	Ростов-на-Дону
9.	Климчук Евгений Владимирович	42	Шахты
10.	Княжиченко Василий Степанович	56	Батайск
11.	Кот Геннадий Иосифович	42	Шахты
12.	Коберник Виктор Васильевич	62	Батайск
13.	Лазарев Валерий Михайлович	55	Батайск
14.	Литвиненко Виктор Савельевич	72	Батайск
15.	Лобанов Владимир Иванович	51	Шахты
16.	Мандрыкин Владимир Александрович	58	Шахты
17.	Микрюков Евгений Александрович	51	Ростов-на-Дону
18.	Назаренко Михаил Васильевич	60	Батайск
19.	Никулин Александр Сергеевич	51	Батайск
20.	Новиков Николай Николаевич	58	Шахты
21.	Осипов Михаил Витальевич	47	Батайск
22.	Очиев Виталий Федорович	47	Шахты
23.	Пантелеев Юрий Васильевич	62	Шахты
24.	Посохов Сергей Витальевич	41	Таганрог
25.	Сапленков Владимир Иванович	56	Шахты
26.	Септа Владимир Владимирович	65	Батайск
27.	Собелин Александр Николаевич	46	Батайск
28.	Суворова Светлана Анатольевна	47	Шахты
29.	Суев Дмитрий Николаевич	52	Шахты
30.	Чернышков Александр Иванович	55	Шахты
31.	Федотова Елена Юрьевна	37	Таганрог
Воронежская область			
32.	Авдеева Наталья Сергеевна	45	Воронеж
33.	Агибалова Ирина Федоровна	45	Воронеж
34.	Анпилогова Надежда Анатольевна	46	Воронеж
35.	Арапов Николай Степанович	79	Воронеж
36.	Басова Александра Ивановна	57	Воронеж
37.	Березкина Людмила Васильевна	71	Воронеж
38.	Болдырева Зоя Алексеевна	78	Воронеж
39.	Быкова Антонина Савельевна	60	Нововоронеж
40.	Гончарова Зинаида Петровна	56	Воронеж

№	ФИО	Возраст	Город
41.	Дробышева Тамара Алексеевна	70	Нововоронеж
42.	Жданкина Лариса Алексеевна	38	Воронеж
43.	Журавель Елена Юрьевна	34	Воронеж
44.	Заболотская Анна Никитична	73	Нововоронеж
45.	Заболотский Георгий Михайлович	77	Нововоронеж
46.	Загорская Светлана Михайловна	41	Воронеж
47.	Зверев Иван Петрович	57	Нововоронеж
48.	Зверева Наталья Ивановна	33	Нововоронеж
49.	Ишмуратова Алла Александровна	50	Воронеж
50.	Колесникова Лариса Ивановна	45	Воронеж
51.	Коложаева Татьяна Алексеевна	50	Воронеж
52.	Кузнецова Анна Ивановна	48	Воронеж
53.	Леснова Ольга Николаевна	55	Нововоронеж
54.	Макарова Раиса Григорьевна	78	Колодезное
55.	Небольсина Любовь Михайловна	50	Воронеж
56.	Некислых Антонина Константиновна	67	Нововоронеж
57.	Некислых Петр Мартынович	69	Нововоронеж
58.	Нуждина Елена Ивановна	46	Воронеж
59.	Палагина Галина Александровна	56	Воронеж
60.	Плотникова Любовь Александровна	60	Воронеж
61.	Познахирина Светлана Анатольевна	57	Нововоронеж
62.	Сиволдаева Людмила Николаевна	34	Воронеж
63.	Скопинцева Любовь Германовна	56	Воронеж
64.	Столповская Валентина Алексеевна	56	Воронеж
65.	Чеботарев Анатолий Тихонович	70	Нововоронеж
66.	Шереметьева Татьяна Митрофановна	48	Воронеж
67.	Чернушкина Раиса Николаевна	69	Нововоронеж
68.	Чернышов Иван Иванович	70	Колодезное
69.	Чернышова Любовь Ивановна	61	Колодезное
70.	Юрова Нина Матвеевна	60	Воронеж
Москва, Московская область			
71.	Ангелова Мария Алексеевна	82	Королев
72.	Баранкевич Петр Иванович	48	Чехов
73.	Белевицкий Роман Сергеевич	27	Москва
74.	Бенедиктов Владимир Александрович	35	Москва
75.	Бибикова Раиса Владимировна	77	Лыткарино
76.	Борщевский Александр Павлович	67	Ступино
77.	Гришина Валентина Павловна	73	Лыткарино
78.	Жуков Станислав Евгеньевич	49	Москва
79.	Загородников Сергей Борисович	41	Москва
80.	Знаменская Наталья Васильевна	53	Москва
81.	Игнатов Михаил Вячеславович	44	Москва
82.	Краснов Александр Викторович	52	Москва
83.	Кумкин Виктор Алексеевич	72	Лыткарино
84.	Литвинов Михаил Михайлович	54	Москва
85.	Махмудов Рустам Хамидович	58	Москва
86.	Медведева Галина Александровна	74	Лыткарино

№	ФИО	Возраст	Город
87.	Миронова Валентина Емельяновна	78	Лыткарино
88.	Мокрушина Валентина Сергеевна	43	Москва
89.	Паролова Светлана Николаевна	62	Москва
90.	Романенко Любовь Васильевна	66	Москва
91.	Романов Юрий Петрович	76	Москва
92.	Ситков Анатолий Иванович	60	Москва
93.	Шадрина Ирина Ивановна	70	Лыткарино
94.	Шеломков Александр Игоревич	47	Москва
95.	Шухардин Валерий Владимирович	40	Москва
Другие города			
96.	Вивтюк Ольга Кузьминична	49	Белгород
97.	Николаев Петр Иванович	65	Тамбов
98.	Полешук Евгений Владимирович	45	Ярославль
99.	Праведная Лидия Андреевна	72	Новосибирск
100.	Смирнов Михаил Владимирович	52	Санкт-Петербург

Список экспертов:

№	ФИО	Должность
1.	Алексеева Людмила Михайловна	Председатель Московской Хельсинской группы
2.	Алисеевич Екатерина Сергеевна	Доцент кафедры международного права юридического факультета Российского университета дружбы народов
3.	Бессарабов Владимир Григорьевич	Заместитель директора НИИ проблем укрепления законности и правопорядка при Генеральной прокуратуре РФ
4.	Бордунов Виталий Дмитриевич	Профессор кафедры международного права юридического факультета Российского университета дружбы народов
5.	Жуйков Виктор Мартенианович	Экс-заместитель председателя Верховного суда РФ (Лебедева)
6.	Каляпин Игорь Александрович	Председатель Комитета против пыток (Нижний Новгород)
7.	Касаткина Татьяна Ивановна	Исполнительный директор Программы «Защита прав человека с использованием международных механизмов» ЕНРАС-«Мемориал»
8.	Липцер Елена Львовна	Адвокат, эксперт Центра содействия международной защите
9.	Мельникова Валентина Дмитриевна	Председатель Союза комитетов солдатских матерей
10.	Морщакова Тамара Георгиевна	Заведующая кафедрой судебной власти и организации правосудия ВШЭ
11.	Насонов Сергей Александрович	Адвокат Адвокатской палаты Москвы, эксперт Независимого экспертного правового совета
12.	Пономарев Лев Александрович	Исполнительный директор Общероссийского движения «За права человека»

13.	Резник Генри Маркович	Председатель Адвокатской палаты Москвы
14.	Смурнов Валерий Маркович	Адвокат
15.	Сонькин Наум Борисович	Адвокат, профессор кафедры адвокатуры и прав человека юридического факультета Института международного права и экономики
16.	Тренина Дарья Владимировна	Преподаватель кафедры Европейского суда в Европейском учебном институте при МГИМО
17.	Трунов Игорь Леонидович	Председатель Президиума Коллегии адвокатов
18.	Туманов Владимир Александрович	Бывший судья Европейского суда по правам человека. Член Центрального совета Ассоциации юристов России, советник Конституционного суда
19.	Шепелева Ольга Сергеевна	Координатор исследовательской и аналитической программы Центра «Демос» по России и Европейскому суду
20.	Нахимова Елена Владимировна	Адвокат адвокатского бюро «Нахимова и партнеры»